

Театр

«БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?» – по-Базарову

Считается, что роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» – это по-своему писательская дуэль с нигилизмом и его представителями, где его главный герой – Евгений Базаров – мыслится как символ опасных и грозных заблуждений. Но в тот момент, когда в свою, пока что не смертельную схватку, вступили российские демократы и либералы, Базаров оказывался человеком, которому была отпущена роль героя нового типа, если не героического, то непременно трагического.

Именно этот тип, пусть и ненавязчиво предрекал страшное грядущее для России. России без Бога. России без духовных скреп. России без многовековых отеческих традиций.

Кукшина (Е. Владимирова)

В этом смысле спектакль «Базаров», поставленный режиссером Юрием Печенежским на сцене Великолукского драматического театра, идет как бы от «обратного». Участникам сценического действия хорошо известно, к чему привели метания таких героев, но постановщик пошел дальше – он спроецировал жизнь и поступки Базарова, Аркадия Кирсанова, Фенечки, Кукшиной, сестер Одинцовых, Павла Петровича и других в современный мир, чему, несомненно, способствовали стилизованная, характерная для XXI века одежда и вышагивающие по сцене громадные лягушки, вид которых напоминает не тех бедных существ, что регулярно препарировал Базаров, а, скорее, – инопланетян, готовых препарировать его самого. И лишь местный «Циолковский», блуждающий по зрительному залу в лапах и шлеме, отдаленно напоминающем часть водолазного костюма, чудакватый Петр Дениса Осинина, подобен лейтмотиву, возвращающему

Сцена из спектакля «Базаров»

зрителя из века XXI, скоростного, в век XIX, неспешный, еще восторженно и с надеждой открывающий замысловатый ящик Пандоры.

Внутренний мир Евгения Базарова, вокруг фигуры которого и разворачиваются известные события, по свидетельству самого Тургенева, был намеренно им сокрыт, а роман и его герои до сих пор вызывают резкие оценки и страстные споры. Не обошли они и спектакль Юрия Печенежского, разделив зрителей на тех, кто его при-

Аркадий Кирсанов (С. Гостюжев)

нял безоговорочно, и на тех, кто был несколько шокирован такой «неклассической» трактовкой образов. Впрочем, в чем не откажешь спектаклю, так это в его оригинальной подаче хрестоматийного сюжета, где максималист Базаров в исполнении Вячеслава Меркурьева – натура не только мятущаяся и нервическая, тайно ищущая в этом мире родственную душу, но и человек, декларирующий, по сути, если не нигилизм, как таковой, то близкую уже духу нашего времени толерантность. Для него любой принцип, имеющий под собой вес, не может быть отвергнутым, ну, разве что православный батюшка за столом у родителей, отслуживший молебен по случаю возвращения блудного сына домой, вызывает неоднозначные эмоции.

Порой Базаров Вячеслава Меркурьева походит на человека-формулу: то он яростно и вполне натуралистично расплескивает на себя воду из таза, то при помощи подсказанной напряженной пластики (хореограф Р. Ходоркайте) пыта-

Чудаковатый Петр (Д. Осинин)

тельно сыгранный Кириллом Парменовым, – со всеми признаками прежней дворянской, то есть рыцарской культуры. Чтобы после насильно сорванного поцелуя убежала смущенная и трепещущая простушка Фенечка (Дарья Корнева). Чтобы живущая по законам свободной любви, отравленная европейскостью, разбитная Кукшина (Елена Владимирова) наглядно продемонстрировала, что такое на деле женская эмансипация. И, наконец, чтобы друг Аркадий (Сергей Гостюжев), во всем следовавший Базарову, искренне считавший его образцом для подражания, вдруг покинул свиту главного персонажа. Его чувства к необычной и в чем-то странной барышне с «характером» Катерине Одинцовой (Алина Бичай) взяли верх и смели с души шелуху бредовых идей. Недаром же человеческий Аркадий, пытающийся понять поступки окружающих его

Кирсанов-старший (В. Михельсон) и Фенечка (Д. Корнева)

Одинцова (С. Долотова) и Базаров (В. Меркурьев)

Базаровым, постепенно выбывают составляющие ее члены. Рассыпается и сама формула, и

Власьевны (Алевтина Патрушева) – вызывают и умиление, и доверие, и добрую улыбку. На таких русских людях, не эгоистичных, милосердных, духовно не искривленных, только и может продержаться наше земное Отечество. По крайней мере, заряд такой прочности несут в себе эти способные любить и жертвовать собой герои. А «любить» в спектакле Юрия Печенежского – слово ключевое. Ведь не зря же дают подзатыльники, овладевают Евгением Базаровым и, в конце концов, взбунтовавшиеся подопытные лягушки. Нелюбовь, фанатичное служение идее превращает исследователя в мучителя (вспомним

Павел Петрович (К. Парменов)

антигерою впору задать вполне себе гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?» Ан-нет. Не успеваешь.

Но, кроме того, режиссер Печенежский вместе с занятыми в спектакле артистами задает еще один вечный вопрос: «Для чего мы живем? Для чего суетимся?» И дело здесь даже не в каком-то надуманном конфликте отцов и детей, который в тургеневскую эпоху имел и другой код, и другой подтекст. Нет, именно простая жизнь на земле «отставных» родителей Базарова, успевших и Державе послужить, и сына в любви и заботе вырастить, дать ему основы образования, убеждает куда как реалистичнее, так сказать, на контрасте, в пагубности земных исканий Евгения, приведших душу в мятежное состояние, которое не могло не закончиться гибелью.

В противовес ему, животрепещущие и благородные образы Василия Ивановича Базарова – заслуженный артист РСФСР Анатолий Иванов, и его супруги Арины

людей, не противится и незаконной в глазах общества связи отца – Кирсанова-старшего, мягко, почти вкрадчиво поданного Владимиром Михельсоном, – с крестьянкой Фенечкой, прижившей от него сына.

Таким образом, из формулы жизни, выведенной доктором

Арина Власьевна (А. Патрушева), Базаров и Василий Иванович (заслуженный артист РСФСР А. Иванов)

историю европейского Франкенштейна!), а обычных болотных тварей – в inferнальных.

Так, для чего же мы живем? – вопрошает Юрий Печенежский, возможно, как художник, оберегающий публику от того, чтобы не оказаться ей за бортом подлинной жизни с ее маленькими радостями и испытательными горестями. Базаров, по-Печенежскому, не доказал, что такой герой нужен нынешнему историческому отрезку времени. Даже поздно спохватившаяся хрупкая Одинцова, присутствовавшая при его кончине, берет (!) его на руки, то ли утверждая таким способом, что с миром приняла его бестелесный дух, то ли свое несостоявшееся материнство, то ли то будущее русских женщин, которых уравнивают в правах с мужчинами и заставят взять в руки отбойные молоты.

Наверное, неплохо, что режиссер многие сцены в спектакле, оформленном художником Л. Лобановым, не прописал досконально, оставил как будто недосказанными. Вероятно, как некие лакуны, они будут со временем наполняться каким-то иным смыслом. Так же по-новому будет «работать» и театральный реквизит, которого, при всей сиюминутности его жизни, в спектакле немало. Эффект легких, почти акварельных мазков, чередующихся с ударными гуашными вкраплениями, – такой вышла эта постановка-головоломка, разгадывание которой все еще продолжается.

Людмила СКАТОВА
Фото Евгения НИКОЛАЕНКОВА